

Что же конкретно происходит сегодня в важнейшей сфере нашей жизни – сфере целостного осмысления, создания речевых формул и объёмных смысловых моделей реальности? При всей сложности и многомерности литературных процессов в основе их лежат достаточно простые и понятные принципы, которые воплощаются в художественной реальности текста, получают продолжение в иных видах деятельности писателя, литературной школы, направления и пр. Они могут различным образом проявляться прямолинейно или маскироваться, а порой даже выдавать себя и за нечто другое (что вполне естественно для свободной смысловой игры). Особенно ярко эти принципы проявляются в поэзии, ведь именно в рамках поэтического дискурса смысл и сама речь максимально концентрируются в сравнительно малом пространстве текста.

Сегодня к ним подобраться довольно сложно – и вовсе не потому, что эти принципы столь сложны, а лишь потому, что место литературе определено в филологической резервации, а ключи от ситуации (подходящий аналитический инструментарий) находятся в сфере философии и культурологии. С точки зрения филологии, свысока или с придыханием приглядывающей за резвящимися на её лужайке поэтами, всё прекрасно: формы развиваются и множатся, верлибры становятся всё длиннее, рифмы балансируют на грани фола и за нею, пунктуация мерцает, то исчезая, то появляясь в самых неожиданных местах текста, семантика взблёскивает открытиями в невероятных словосочетаниях, активно осваиваются ранее не востребованные или табуированные лексические пласты – короче, всё нормально, процесс идёт.

Однако идёт он как-то странно. И дошёл уже до того, что филологи начали говорить о двух поэзиях в рамках современной русской литературы, мар-

кируя их как традиционную и актуальную. Едва посмотрев на эти контекстуальные антонимы, непроизвольно начинаешь догадываться, что традиция больше не актуальна – и это уже, в общем-то, закреплено терминологически!

Заинтересованные читатели, блуждая между двух поэзий, тщетно пытаются найти истину или хотя бы некий консенсус, ибо прежде были поэзия и не поэзия, или, например, традиция и авангард (но в рамках одной открытой поэтической системы), а сейчас что? Обе – равноправно – поэзии? Тогда почему две? Что за непозволительная роскошь в эпоху острого гуманитарного кризиса? Или всё-таки поэзия одна – но тогда какая? Вот эта?

Так говорится:

Лучший из даров

Так постуается:

Улыбаться при встречах

Не выцарапывать глаза

Не рвать грудную клетку

Не обламывать ногти об её подвздошья (так в оригинале – Н. Я.)

Так чувствуется:

Даосы намудрили с описанием Большой Колесницы

Буддой становится всякий, кому надоело страдать

(Сергей Ивкин, «Урал» № 8)

Или вон та:

Зазноба ли?.. озноб ли позовёт?..

Зазолотятся сумерки сознания.

Так дрожью бьёт на взлете самолёт.

Так дыбится кривая нарастанья,

Так пса пронзает мускульный разряд

От запаха приснившегося следа,

Так сладостно, самозабвенно-слепо

Вдыхаешь вертикальный снегопад,

*Вдыхаешь дыхание тишины
И с паузой вселенской единенье,
Где жаль-миры во мглу погружены...
Но!.. вдруг прозришь то самое мгновенье:
До бездны ослепленной... до основ,
До слез глубинных, до преображенья!
Есть музыка! Есть муза притяженья!
Уже не нужно возгласов и слов...*

(Владимир Берязев, «Урал» № 5)

Или обе сразу?.. Но возможно ли это?

Некоторые пытаются увещевать самих поэтов, чтобы те помирились и побратались, и даже при весьма нечастом распределении литературных призов стараются не обидеть ни тех, ни этих (оба приведённых примера, кстати, как видите, из соседних номеров одного уважаемого мной журнала). Но никакого консенсуса не происходит. Хотя толерантность, как видите, в некоторых местах наблюдается.

Однако за пределами филологии кое-что в этой запутанной ситуации всё-таки удаётся прояснить. Если взять за основу подход не формальный (поэзия – строчки в столбик), а сущностный (поэзия – создание и умножение смысла), в процессе философско-культурологического анализа можно выделить три взаимозависимых и взаимоопределяющихся типа творческого сознания. Основной тип – созидательный (строящий и умножающий), его антипод – разрушительный (деконструктивный), и ещё один тип – дополняющий (авангард, разведка). В самом общем виде данная классификация – статическое отражение постоянного живого взаимодействия традиции и новации.

Созидательный тип сознания сохраняет в развитии структуру и содержание традиции, порождает, осваивает и концентрирует смыслы. Для него в силу задач характерно стремление к нравственной целесообразности творчества, соразмерности формы и содержания произведений. Это вопрос не только эстетический и этический – но и энергичный, поскольку строительство требует серьёзных усилий: любой хаос становится непростительной растратой, которую далеко не всегда возможно восполнить. Результат созидания – умножение смысла, упрочение живой связи человека с окружающим его миром, физическим и духовным.

Дополняющий тип творческого сознания устремлён к новому. А поскольку новое – не обязательно содержательное, хотя бы и формальное – всегда добывается в литературе с большим трудом, здесь великое множество неудачных художественных экспериментов, творческих тупиков и пр. И тем не менее какие-то крохи добываются, признаются «большой» литературой и входят затем в общий творческий инструментарий. Да и отрицательный результат честного эксперимента – тоже ведь результат! Авангардисты больше работают в области формы, тем не менее их результатом становится хотя бы крохотное, но прибавление смысла – а это всегда бесценно.

Разрушительный тип сознания в основе своей является паразитическим (надо, чтобы было что разрушать). Зона его действия ограничена: в основном он паразитирует на слабееющих, отживающих своё смыслах и формах – но не только. Деконструкция имеет разумный предел, но всегда как процесс стремится за этот предел выйти, вырваться – и зачастую вырывается. Это связано с энергичными особенностями явления: за счёт разрушения связей высвобождается большое количество энергии, и чем глубже заходит процесс, тем «разборщикам» труднее отказаться от этой, с позволения сказать, халявы. Здесь смыслы дробятся, рассыпаются в прах. Чем важнее смысл для культуры, тем дольше можно на нём паразитировать, и тем больше шума производит его разрушение. На «игру влѣгкую» с удовольствием подсаживаются и читатели, получая удовольствие и не утруждая себя пониманием трагедии происходящего. Можно читать Толстого (Льва Николаевича, разумеется), а можно – роман Пелевина «Т». Пелевина, конечно, легче – а многим кажется, что и веселее. В общем, всё как в обычной жизни. Только гораздо хуже, потому что разрушение смысла в итоге оказывается разрушением жизни.

Казалось бы, чего проще: оставить деконструкторов в филологической резервации, и пускай там резвятся, не выходя за пределы игровой площадки. А остальных выпустить на оперативный простор реальной жизни – работы-то немерено! Ведь глобальный кризис, поворачиваясь к нам то политической, то экономической стороной, то вообще ступая на кровавый край Большой Войны, по сути своей всё равно остаётся гуманитарным. Образ мира, в котором человечество существует сегодня, стал уже тесен катастрофически, внутреннее напряжение нарастает, смысловое поле разрушается, и разрастается хаос. Возникновение такого, например, направления, как трансгуманизм, – чёткий маркер абсолютного гуманитарного тупика. Поэтому сферы деятельности, в которых происходит смыслообразование, должны быть приоритетными во всех отношениях – именно здесь будет (или не будет, что совсем плохо) осмыслен и построен новый образ мира. Но – парадоксально? – именно эти сферы сегодня у нас практически отсечены от ресурсов развития и возможностей массовой трансляции результатов своей деятельности.

И с этой данностью нужно как-то быть. И каждый день, в каждом проекте, в каждом решении уметь отделять конструктивное от деконструктивного. Главная проблема обесмысливающегося бытия – массовые нежелание, лень или неспособность разобраться, где разрушение, а где созидание. Тем более что современное искусство (к сожалению, и литература, и поэзия, в частности) всё больше превращается в шоу, эстрадный номер, «художественную акцию», предполагая перед собой не собеседника, заинтересованного в истине, а кредитоспособного потребителя зрелища, праздного зеваку.

Для тех же, кто остаётся и хочет оставаться со- беседниками в диалоге с искусством, выше приве- дённую классификацию можно свести в простую таблицу.

Типы творческого сознания

Тип творческого сознания	Задача	Маркировка	Зона действия	Особенности развития
Созидательный	Развитие структуры и содержания сознания	Конструктивный	Всё смысловое поле традиции, включая ядро	Длительное, системное
Дополняющий	Обновление инструментария культуры	Экспериментальный, новаторский	Смысловая и формальная периферия традиции	Более активное изучение форм, нежели смыслов
Разрушительный	Деконструкция устаревших форм и смыслов	Паразитический	Смысловая и формальная периферия традиции	Поверхностно-фрагментарное

Ничего суперсложного здесь нет – здравый смысл и житейская опытность плюс умение отличать поиск, эксперимент и новаторство от разрушения в тех случаях, когда деконструкторы «сливаются с

местностью» и начинают бурно «развивать литературу». Литературу – да, конечно, но прежде хорошо бы посмотреть на тексты – что там-то? А там воочию видны

Принципиальные различия новаторского (дополняющего) и разрушительного типов творческого сознания

Типы	Отношение к классике	Фонетика	Лексика	Семантика	Синтаксис	Логика	Пунктуация
Новаторский	Отрицание как устаревшей	Поиски смысла в звуке	Словотворчество	Поиск новых смыслов	Новые конструкции	Поиск в зоне хаоса	Эксперименты, новые знаки
Разрушительный	Ремейк, пародирование	Какофоничность	Тяга к общенной лексике	Разрушение смыслов	Хаотизация синтаксиса	Разрушение логики	Отказ от знаков

Некоторые пояснения к таблице. Для новаторов не характерны такие традиции, как учительство, – оно либо кратковременно, либо вообще отсутствует. Проблемами авангарда являются вынужденная поверхностность при освоении новых территорий творчества и реализация избыточной энергии в форме эпатажа или прямой агрессии, вызванной необходимостью «силового» утверждения своих открытий.

Для представителей деконструкции характерно открытое противостояние традиции и паразитическое отношение к культуре и литературным текстам. Учительство, по сути, отрицается, даже если анонсируются «школы», но могут возникать направления, течения, сообщества. Эмоциональный инструментарий деконструкторов – эпатаж, агрессия, сарказм. Логика деконструкции разворачивается от «разборки» устаревших идеологем до разрушения базовых смыслов культуры.

Кстати, при внимательном чтении выражение «разрушительный тип творческого сознания» оказывается вполне себе оксюмороном: как можно называть творчеством то, что не творит, а разрушает? Только по тому признаку, что это происходит в

сфере искусства? И над этим тоже следует поразмыслить...

Глубоко традиционное доверие к литературе и поэзии за прошедшие десятилетия не просто подверглось серьёзному испытанию – по большому счёту, оно уже подорвано потому, что разрушение традиции активно выдаёт себя за созидание нового, но при этом оставляет после себя не строительные площадки, а пустыри, на которых клубится ядовитый дымок. В то самое время, когда смысл становится насущным, как хлеб.

Поэтому так важно и редактору, и критику, и филологу, и библиотечкарю, и педагогу, и просто читателю видеть не только литературу, но в литературе – борьбу за человека, за смысл его жизни, за накопленный предками нравственный опыт бытия на этой земле. Видеть – и отделять зёрна от плевел. Видеть – и делать свой личный выбор, потому что от выбора каждого в конечном итоге зависит выбор всех. И это не лозунг, подобранный возле избирательного участка поздно вечером 19 сентября, а самая что ни на есть горькая реальность глобального гуманитарного кризиса, срывающегося в очередной крутой вираж.